

Табак и сигареты

Жуков табак.

Жуков табак.

2009-05-27 16:08:22

- А вы, полковник, кажется, Жукова курите?

- Да, привык к нему, но с каждым днем все труднее доставать старый Жуковский табак, а нынешний куда хуже прежнего.

- Я могу вам послужить: недавно разыскал в одном пришковом амбаре с полпуда жуковского еще от пятидесятих годов, - просто роскошь, а не табак.

Л. Ф. Пантелеев. «Воспоминания»

Сколько в России было Жуковых, а в истории остались два - маршал Георгий Константинович Жуков и известный отнюдь не на полях сражений предприниматель Василий Григорьевич Жуков (1795-17 декабря 1882).

Современники просто говорили - Жуков, не называя имени-отчества, и всем было ясно, о ком речь. В. Г. Жуков -отличительный знак довольно длительного промежутка времени российской истории, примета целой эпохи, герой своего времени, торговая марка, или, - если кто знает, -брэнд. Как «Беломор», только еще лучше, ибо Жуков затмил дымом своего крепчайшего табака все современные ему марки, не оставив им и шанса на бессмертие или хотя бы на то, чтобы о них вспоминали мемуаристы.

Василий Григорьевич открыл табачную фабрику двадцати семи лет от роду, в 1822 году, на левом берегу Фонтанки, между Чернышевым и Семеновским мостами (д. 74; дом перестроен в конце XIX века); тогда адрес Жукова звучал иначе: в Московской части, 3-го квартала, в собственном доме.

В молодости будущий фабрикант работал в Большом (Каменном) театре (ныне на его месте здание Консерватории) плотником, в обязанности которого также входило передвигать декорации. Известный актер П. А. Каратыгин именно там впервые увидел будущего предпринимателя. Тогда это был «низенький черноволосый парень... но какой прозорливый мудрец мог бы тогда предвидеть, глядя на Васюху Жукова в грязном зипуне, что он сделает себе такую блестящую фортуна, будет ходить в мундире, вышитом золотом и с регалиями на шее. Такие превращения почище театральных... Через несколько времени он вышел из театра, открыл табачную лавку и впоследствии сделался фабрикантом,

Табак и сигареты

Жуков табак.

купцом 1-й гильдии, миллионером, градским главой, коммерции советником и кавалером нескольких орденов... К чести Василия Григорьевича Жукова надо сказать, что он не только не скрывает своего прежнего звания и горемычной бедности, но как человек, правдивый, чуждый тщеславной гордости, зачастую вспоминает о ней в кругу своих гостей...»

Когда Жуков служил плотником, папирос в продаже не было, а в театрах не было курительных комнат. Гвардейские офицеры забегали к Жукову выкурить в антракте трубочку «вокштафа» (или «вакштафа», как называли в Петербурге доставлявшийся на берега Невы из Гамбурга табак). Сметливый молодой плотник подметил любовь офицеров к куренью, и к одному из спектаклей припас для них табачок собственного изготовления. Когда молодые люди пришли к нему в очередной раз, Жуков предложил им попробовать своего табаку. Офицерам табак понравился, и они стали делать заказы. Все требования Жуков, однако, удовлетворить не мог, тогда офицеры сложились и собрали для него сто рублей, на которые он и открыл домашнюю фабрику.

На фабрике Жукова выпускался преимущественно курительный (трубочный) табак в огромных по меркам того времени количествах, притом не чисто турецкий, а по большей части персидский. Поступавший на фабрику Жукова табак был в основном двух сортов - мэрилендский из Огайо. В 1837 году им было изготовлено 40 909 пудов курительного табака более чем на миллион рублей, нюхательного, по причине падения спроса, - всего 300 пудов. Жукову удалось наладить весь цикл работ, от первичной обработки сырья до упаковки готового продукта. Вот как об этом рассказывал сам хозяин в докладной управляющему Департаментом мануфактур:

«Обращаясь к порядку производства работ, я должен предупредить, что в этом отношении особенное внимание мое обращено к тому, чтобы всякий рабочий, определенный в известной части производства изделий, каждый день возвращался к одному и тому же занятию, и хотя вообще табачная фабрикация не представляет слитком сложной искусственности, тем не менее, при надлежащем распределении труда, вследствие полезной привычки к известной работе производство ее идет гораздо успешнее и в количестве, и в качестве.

Следуя этому внушению мне не теориями, но опытом правилу, я распределил рабочих моих, со всевозможною в табачном производстве удобностью, таким образом:

Мальчики и женщины под надзором опытного мастера занимаются непрерывно разборкою табачных листов по сортам предполагаемого к выделке табаку.

Одни из рабочих мочат и варят американские табачные стебельки (стебли или «корешки», писал посетитель фабрики, «придают табаку крепость, значение, как соль в кушанье». - И. В.).

Другие пластят (т. е. разворачивают.) эти стебельки между цилиндрами.

Третьи занимаются резкою их на особо устроенных для того машинах (в 1843 году на фабрике Жукова

Табак и сигареты

Жуков табак.

было восемь ручных крошилных станков.).

Четвертые режут листы на машинах (и этих машин было восемь.), подобных же предыдущим.

На фабрике Жукова

Пятые просушивают на печи особого устройства нарезанный табак и стебельки (печей было шесть.).

Шестые, большей частью непосредственно под моим наблюдением, мешают табак, окончательно приводя его в сорты (табак на фабрику поступал в бочках, в которые был уложен пучками или пачками и почти не требовал сортировки, так как Жуков выписывал только самый лучший табак).

Седьмые разрезают и мочат бумагу.

Восьмые на трех типографских станах печатают фирмы для обертки картузов.

Девятые, также мальчики, складывают печатную бумагу, подготавливая ее к обертке.

Десятые наворачивают бумагу на жестяные формы картузов, припечатывают картузы книзу и передают их набивальщикам.

Одиннадцатые набивают картузы и печатают их сверху.

Двенадцатые прикладывают сбоку каждого картуза сургучную печать моего имени и фамилии, причем одни намазывают сургуч, другие кладут печать.

Тринадцатые погружают табачные картузы для отправления в деревянные ящики и ставят на них клеймо.

Табак и сигареты

Жуков табак.

Четырнадцатые обивают эти ящики рогожами и означают тюки сокращенными знаками имени и фамилии фабриканта, а также имени и фамилии лица, к которому товар отправляется.

Пятнадцатые - последние, наблюдают за освещением фабрики, они чистят, наливают и хранят лампы».

Прервем Жукова и расскажем о производстве на табачной фабрике того времени подробнее, но прежде заметим, что процесс приготовления курительного табака состоял в то время из следующих действий, некоторые из которых не упомянуты Жуковым: сортировка (важнейшая операция, которая поручалась опытному сортировщику), увлажнение (для придания табачным листьям эластичности), выщелачивание (для улучшения качества табака), удаление нервов из листьев (с помощью острого выгнутого ножа), прокатывание (на тот случай, если остались нервы), травление (обработка листьев различными веществами, сообщающими им определенный вкус и запах; вот что добавляли в «соус» в XIX веке: сахар, винные ягоды, алоэ, анис, апельсин, бузину, валериану, ваниль, гвоздику, корицу, лавр, лимон, бальзамы, янтарь, мускус, шафран и пр. - «букет» можно было создать любой, притом с помощью только натуральных продуктов!), окрашивание (желтый или светлый цвет табака всегда считался особенно привлекательным), резка, сушка, охлаждение и просеивание, упаковка. Усилия многих людей были направлены только на то, чтобы результат их нелегкого, трудоемкого, вредного для них труда кто-то запалил и превратил в дым. Фигурально выражаясь, пустил на ветер. Притом с удовольствием.

В процессе приготовления табака на фабрике Жукова, особенно в сушильных помещениях, работникам приходилось нелегко от едкой, удушливой пыли, и они вынуждены были накрываться с головой покрывалами. Тяжел труд был и у тех рабочих, которым приходилось грузить листья из бочек в корзины и нести их под ножи десяти машин. Специальный механизм, приводившийся в действие вручную, подталкивал под острие целый лист. Крошку затем несли в сеяльную, где с помощью девяти «грохотов», или квадратных решеток, еще раз пересевали; пересейанный табак затем смешивали с корешками; от пропорции того и другого зависела крепость табака.

Приготовленный таким образом табак отправлялся на «стулья» - так назывались места для «набойщиков». В их распоряжении были бумага, свеча и сургуч, в колоде - отверстие, с воронкой. Всего «стульев» было сорок, за каждым - два набойщика, и эти восемьдесят человек умудрялись набить в картузы (объемом в фунт, полфунта или четверть фунта), завернуть и опечатать 250 пудов табака в день (4 тонны!). На одного набойщика приходилось в день 3 пуда!

Бумага для картузов, с виньетками и надписями, готовилась тут же, на фабрике, в собственной типографии, на втором этаже, где в светлом и чистом зале стояли четыре печатных станка.

Табак в картузах поступал в бандерольную, где тридцать четыре работника резали бандероли, клеивали их и скрепляли печатью. Ежедневно из бандерольной выходило 200 ящиков табаку.

А вот каковой, со слов Жукова, была дисциплина труда на его фабрике:

«При сем разделении каждый отдел работ имеет своего мастера, отмечающего на особой черной дощечке мелом количество произведенной работы, считая ее от утра до завтрака, от завтрака до обеда, а от послеобеденного отдыха до вечернего прекращения работ. Из этих отметок по окончании работ каждый день составляется главным приказчиком краткая рапортничка о количестве принятого в тот день на фабрику и изрезанного листового табаку и стебельков, число набитых картузов и самой выручки денег по магазинам за дневную продажу табаку. В этой рапортничке включается также и сделанный по какому-либо требованию значительный отпуск с означением лица требователя и подрядчика, также и известие о всяком необыкновенном на фабрике случае. Рапортничка сия каждый

Табак и сигареты

Жуков табак.

день вечером доставляется мне, живу ли я зимою в доме, где находится фабрика, или летом на даче в Екатерингофе. В последнем случае, кроме вечерней, доставляется ко мне еще и рапортчика утренняя собственно о благосостоянии дома и фабрики. Таким образом, движение фабрикации и состояние фабрики каждый день известны мне во всей их подробности и не может произойти никакого неустройства, противу которого не предстояло бы скорой возможности.

Во время производства работы старший, прохаживаясь по всей фабрике, находится в ней безотлучно, наблюдая, чтобы, с одной стороны, работы не останавливались без основательной причины, а с другой, чтобы не происходило между рабочими никакого крику, празднословия и препирательства».

Жуков выпускал табак двух сортов: табак 1-го сорта был в белых бумажных пакетах, продавался по три рубля ассигнациями за фунт, табак 2-го сорта продавался в синих пакетах по два рубля за фунт, как менее ароматный, более крепкий, но пользовавшийся наибольшим спросом. Современник писал:

«Потребление “вакштафа” Жукова 2-го сорта, удовлетворяющее невзыскательным потребностям наших курильщиков, было чрезвычайное, чтобы не сказать чудовищное, так что не было почти на всем пространстве Русского государства ни одного захолустного городка, присутственного места, воинской команды, господской усадьбы в деревнях или же трактирного заведения, где бы этот излюбленный табак не расходовался десятками и сотнями фунтов в месяц».

В 1840-е годы, когда предприятие Жукова достигло наивысшего расцвета, у него на фабрике было занято около пятисот рабочих, которые ежедневно выпускали до тысячи фунтов трубочного табака (четыре тысячи четвертьфунтовых картузов). Кроме того, у Жукова в год производилось силами двадцати рабочих 1,5 миллиона сигар и до пятисот пудов нюхательного табака. «Жуков табак» вывозился и за границу. «Жукова», разумеется, курили по всей России.

Высококачественные сорта готовились на фабрике Жукова по специальным заказам, примерно раз в неделю.

Но продолжим цитировать самого хозяина фабрики:

«Работы вообще начинаются всеобщей в 6 часов утра молитвою и продолжаются до 8 часов; 9-й час употребляется для завтрака (и отдыха), 10, 11, 12 продолжается работа; для обеда и отдыха назначено 2 часа; с 2-х до 8 часов вечера работы опять продолжаются, оканчиваясь молитвою и пением какого-либо церковного песнопения или народного гимна о здравии и долгоденствии государя императора.

Таким образом, сохраняя молчание и изредка прерывая его, по желанию хозяина или почетного посетителя какую-нибудь пристойную русскую песню, рабочие состоят (так в тексте.) 11 часов в сутки».

Весьма напряженный получается рабочий график, однако Жуков смотрел на дело иначе:

«11-часовой труд, несмотря на упомянутое выше разделение труда, облегчается для рабочих следующим образом.

Табак и сигареты

Жуков табак.

Как во всяком производстве нельзя избежать, чтобы одна часть труда не была тяжелее другой, то и в табачной фабрикации резка табаку и стебельков оказывается требующею большего по сравнению с другими работами напряжения сил, а потому для облегчения резальщиков, с одной стороны, существует в сутки две перемены рабочих, с другой - занимающиеся резкою пользуются некоторым отдохновением при натачивании ножей. Промежуток времени, занимаемый сказанными посторонними от резки занятиями, мог быть устранен дальнейшим подразделением работ, но оставлен мною именно для того, чтобы облегчить резальщиков если не полным отдыхом, то, по крайней мере, трудом гораздо легчайшим».

Говоря современным языком, Жуков - топ-менеджер высшей квалификации, и лучше не перебивать его, когда он говорит о том, как организовано его производство:

«Точно такой же порядок, исключая смены, соблюдается в отношении и ко всем прочим работам, т. е. каждая пара, сделав известную часть своей работы, убирает производство оной и относит по назначению, принимает новый материал для работы, располагает его и опять продолжает работать, переменяя только по взаимному согласию часть труда, лежащего отдельно на каждой паре, например, набивать картузы труднее, нежели подвертывать их, а потому подвертыватель и набойщик взаимно сменяют один другого в общей их работе».

Даже о производственной дисциплине проницательный Жуков позаботился:

«Достигнув с моими рабочими того со стороны их ко мне отношения, которое заставляет стыдиться всякого известного мне их поступка, я не имел более надобности для поддержания их во всегдашнем послушании употреблять мер строгости; у меня не было никогда ни тюрьмы, допущенной на многих иностранных фабриках и необходимой там по причине буйства рабочих, ни штрафов, которые, будучи для бедняков разорительны, унижают и ожесточают их, ни телесных наказаний, ни даже жалоб в полицию: все эти меры столько же неприятные, сколько почти бесполезные, заменяются на моей фабрике бдительным надзором, который делает мне известным всякий добрый и худой поступок каждого моего рабочего. Для этого надзора и вместе для содержания внутри фабрики чистоты и осторожности от огня учреждены мною дневальные. День и ночь исполняя свою обязанность, они извещают ныне особо учрежденного старшего, а прежде конторщика утром и вечером обо всем, что происходило на фабрике с полным убеждением, что утайка истины будет причиною непременно исключения из фабрики самого дневального. С этих словесных донесений прежде конторщик, а ныне старший, из заслуженных и украшенных крестами и медалями отставной унтер-офицер делает отметки в особом реестре о поведении каждого рабочего.

Говоря здесь о старшем, нужным считаю заметить, что к учреждению сей должности и избранию в оную унтер-офицера руководила меня та причина, что люди этого звания, прослуживши с похвалою и отличием узаконенный срок по привычке к строгой субординации и точности в исполнении приказаний, особенно способны к надзору, управлению крестьянами, которые по уважению к заслугам, отличиям и опытности старых воинов, людей одного с ними происхождения, гораздо охотнее повинуются им, нежели другим всякого рода приставникам».

Лучше не скажешь! И не сделаешь лучше! А ведь Жукову пришлось быть первым в организации передового, по меркам того времени, производства. Никакого опыта у него не было, университетов он не кончал, но - ни одна мелочь не упущена, все человеческие, материальные и надзирательные ресурсы брошены на достижение лучших в стране производственных показателей:

«Не менее того принятая мною система надзора обеспечена учреждением постоянных часовых у ворот,

Табак и сигареты

Жуков табак.

определенных к этой должности также из отставных военных, которые обязаны видеть, отмечать в тетрадке и доносить прямо мне о несвоевременной отлучке со двора каждого рабочего, не препятствуя, впрочем, их выходу без особенного на чье-либо лицо приказания».

А ну как понадобилось задержаться рабочему с возвращением домой, на фабрику (многие из них жили тут же, как и хозяин) или - упаси Бог! - случилось выпить лишнего. И это Жуков предусмотрел, равно как и нерешенную спустя век советской властью проблему с «несунами»:

«Такие же отметки делаются ими на счет позднего возвращения рабочих в квартиру, небытности в ней во время ночи и нетрезвого состояния возвращающегося. Кроме того, они наблюдают, чтобы ничто, принадлежащее хозяину и живущим в его доме, не было выносимо за ворота, и ничто, не принадлежащее к дому, в них не вносилось, особенно же вино, исключая дней праздничных и свободных от работы, с отношением к лицу рабочего по мере доверенности, которою он пользуется, чтобы иметь право послать за вином».

К чему такие строгости? Прежде всего для пользы самих рабочих - у каждого из них появляется возможность сделать себе прибавку к жалованью (при этом никто другой о прибавке и не узнает, разумеется):

«Означенные меры надзора дополняются окончательно безусловным убеждением каждого рабочего:

- 1) что за сокрытие в товариществе буйства, непотребства и похищения, сокрыватель непременно увольняется вместе с сокрываемым и что
- 2) открытие одного из подобных поступков непременно вознаграждается или единовременного выдачею суммы, соразмерной важности открытия...

О сказанных преступлениях как старший, так часовые и всякий рабочий имеют обязанность доносить мне немедленно, о прочих лее менее важных проступках старший и часовой представляют мне письменные замечания свои в присутствии провинившихся ежемесячно при выдаче жалованья. При сем нужным считаю дополнить, что для поддержания взаимного согласия между рабочими доносители, кроме старшего, и часового, и дневальных, остаются неизвестными».

А вот как на фабрике Жукова происходил процесс выдачи жалованья, становившийся настоящей церемонией - чем-то средним между набором в театральную студию или футбольную школу, собеседованием перед приемом в органы надзора, аудиенцией у папы Римского, вызовом к завучу, начальнику тюрьмы или участием в судебном процессе в роли обвиняемого без адвоката и надежды на снисхождение, не говоря уже о помиловании:

«Выдача жалованья производится каждый месяц в первый после 1-го числа воскресный или праздничный день, вечером, непременно в моем присутствии. В это время рабочие, призываемые по списку, входят в контору поодиночке. При сем случае я вменяю себе в обязанность: 1-е, осведомиться от каждого вновь принятого рабочего о его состоянии, семействе, прошедших занятиях, причинах, побудивших оставить дом или какую-либо прежнюю по найму службу, также не имеет ли новопринятый каких-нибудь особых сведений в ремесле и искусствах или же телесных недугов. И это объяснение служит мне верным средством не только полезному для рабочих личному с ними знакомству, но и к возможному определению, с первого раза, умственных способностей, характера и нравственных направлений каждого из моих рабочих. Сверх того, новопринятый получает от меня всевозможное ободрительное наставление с указанием на тех из рабочих моих, примеру которых он должен следовать для достижения собственной пользы, а чаще всего указанием на меня самого, как прежде бывшего работника, сделавшегося хозяином посредством труда, честности и послушания старшим; 2-е, в отношении к тем,

Табак и сигареты

Жуков табак.

которые находятся на фабрике моей уже в продолжение некоторого времени, обязанности мои состоят в том, что при входе получателя жалованья тотчас делается справка по книгам старшего, часовых и по моей о его в течение прошедшего месяца поведении и, судя по взятым за тот месяц деньгам, наводится справка и о самых издержках его. В это время, не ограничиваясь строгим выговором за всякий проступок для исправления проступившегося, я назначаю одну из следующих мер преграждения к проступкам, например, человека, замеченного в наклонности к неумеренному употреблению вина, запрещается часовым выпускать некоторое время со двора; кроме того, из числа следующего выдается ему только столовый вклад, а остальные деньги удерживаются до следующего месяца в кассе с тем, чтобы вручить ему по удостоверению в исправлении или отослать их прямо через старосту для доставления его семейству, или же поручается старосте купить не полученному в собственном его присутствии какие-либо нужные ему вещи, как-то: кафтан, шапку, сапоги и пр. Сверх того, призывается один из доверенных земляков провинившегося и ему поручается непрерывный за ним надзор с тем, чтобы при случае выхода со двора к обедне он выходил и приходил обратно с тем, кому об нем сделано поручение. Такие же меры применяются к исправлению рабочих, наклонных к мотовству и излишеству в щегольстве. Проводящие ночь вне дома лишаются права выходить на некоторое время со двора, а потом отпускаются с провожатыми, ленивые назначаются в черные работы, которыми занимаются обыкновенно вновь поступающие, и потом, смотря по радению, переводятся к занятиям более и более чистым; 3-е, в то же время рабочие хорошего поведения и отличившиеся особою ревностью к труду, кроме словесного ободрения, получают или единовременную награду или прибавку к жалованью».

В 1843 году на фабрике Жукова работали 19 мальчиков; для них была отведена спальная. В два часа все обедали, в три снова принимались за работу. По субботам работа заканчивалась в семь часов вечера, и певчие пели: «Коль славен наш Господь в Сионе», или «Боже, Царя храни», или «Отче наш», после чего все приступали к вечерней трапезе.

Взрослые работники фабрики завтракали, обедали и ужинали в две смены в столовой, в которой помещалось одновременно 120 человек. Завтрак, обед и ужин ничем не отличались друг от друга - щи с говядиной и каша, с «обильным прикладом хлеба». По воскресеньям давали пироги.

У мальчиков была своя столовая, но меню примерно то же: щи с говядиной, каша и жаркое и пироги по воскресеньям.

В здании фабрики была устроена больница на 8 кроватей. При больнице состояли доктор, фельдшер и прислужник. Амбарный Илья Сергеевич Смирнов всегда готов был провести по фабрике посетителей - вот только неизвестно, нужно ли было записываться на экскурсию заранее и всем ли это было дозволено или же только лояльно настроенному журналисту.

Певчие (или, как тогда говорили, «песенники») Жукова пользовались такою же известностью, что и его табак; они были работниками фабрики. Жуков нередко приглашал их с собой на загородные прогулки. Их можно было послушать и на даче знаменитого табачника. Например, 1 мая в Екатерингофе, где происходили ежегодные гуляния, на которых бывала и царская семья.

Жил Жуков на широкую ногу, как и подобает настоящему фабриканту, устройтею крестьянского банка на своей родине, в Порхове, и петербургскому городскому голове. Его состояние превышало 20 миллионов рублей, да и государственная казна благодаря деятельности предпринимателя получала значительное приращение к ежегодному бюджету.

У Василия Григорьевича была в Екатерингофе дача «около моста, ведущего в Волынкину деревню, - как писал современник. - Дача эта была роскошно убрана, с великолепным садом, в пруде которого между живыми лебедями плавали искусно сделанные. В торжественные дни, когда у Василия Григорьевича собирались гости, из этих искусственных лебедей выпускались ракеты».

Табак и сигареты

Жуков табак.

К этому рассказу тот же современник прибавляет, что к Жукову в загородный дом заходил император Николай I и «милостиво разговаривал с его женою Марией». Вспомним, что сам Николай не курил, но, видимо, отдавал должное деловым качествам табачного фабриканта. Впрочем, деловые интересы Жукова распространялись не только на табак.

Еще в 1847 году на Екатерининском проспекте (ныне проспект Римского-Корсакова), 117, по проекту архитектора Н. П. Гребенки были поставлены торговые бани В. Г. Жукова, прозванные горожанами, разумеется, «жуковскими»; бани дожили до наших дней, правда, не раз капитально переоборудованы и известны как «Лоцманские», ибо находятся на углу проспекта Римского-Корсакова и Лоцманской улицы (по тогдашней нумерации эти бани числились под номером 12 по Калининской, ныне Репина, площади). Жуков также держал бани на Обуховском проспекте, 11 (так тогда называлась часть Московского проспекта; здание не сохранилось).

В середине XIX века во владение надворного советника, потомственного почетного гражданина В. Г. Жукова перешел дом на углу Невского проспекта и Владимирской улицы (в известном «Атласе» Н. Цылова 1849 года этот дом числится под номером 63 по Владимирскому проспекту или 48 по Невскому проспекту). Помимо этого строения, Жуков держал также дом 4 на Михайловской площади - в 1844 году он продал его известным меценатам братьям, Михаилу и Матвею Виельгорским; этот дом до сих пор называют «домом Виельгорских». Также он владел домом 94 по набережной Фонтанки, домами 22, 33 и 34 по Гороховой улице*, домами 12 по Обуховскому (Московскому) проспекту, 12 и 19 на Калининской площади, 11 по Петергофскому (ныне Старо-Петергофский) проспекту, 87 по набережной Фонтанки, 1, 11 и 18 по Лештукову переулку (последний - на углу Загородного проспекта).

Еще Жуков содержал богадельню и приют в Псковской губернии.

К середине 1850-х годов Василий Григорьевич был коммерции советником, членом совета Коммерческого училища, почетным членом Демидовского дома призрения трудящихся, членом медико-филантропического комитета, попечителем и главой комитета Санкт-Петербургской детской больницы, почетным старшиной Жуковского приюта, названного, естественно, в честь Василия Григорьевича. Попечительницей приюта была Ю. В. Шереметева, а ее помощницей супруга Жукова - Мария Александровна.

А. С. Пушкин прославил домовладельца, фабриканта и благотворителя в следующих строках:

...Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной

Заняться службою гражданской иль военной,

С хваленым Жуковым табачный торг завести...

И снискивать в труде себе барыш и честь...

Участник кружка М. В. Буташевича-Петрашевского, пропагандиста социалистических идей 1840-х годов Д. Д. Ахшарумов в 1849 году оказался в [Петропавловской](#) крепости (отнюдь не по доброй воле). Привожу отрывок из его воспоминаний:

Табак и сигареты

Жуков табак.

«Однажды с ветром залетел ко мне в фортку [табачный дым](#), и запах этот, которого я давно не слышал, был мною воспринят с особенным удовольствием. Я курил в то время, и хотя лишения этого ввиду лишения вообще свободы я почти не чувствовал, но при ощущении приятного запаха прежде любимого мною курения я пожалел, что у меня нет нужных для того припасов, и при первом же отворении двери я спросил об этом дежурного офицера. Он очень любезно ответил, что курение дозволяется, но только на свой счет. Я сказал, что в день ареста у меня был в кармане кошелек с несколькими рублями, и просил его купить мне какую-нибудь простую, небольшую трубку - тогда папирос еще не было (ошибка мемуариста! -И. Б.) - и Жукова табаку. Желание это было исполнено в тот же день; не помню я, какая трубка у меня была, но четвертьфунтовую, в синей бумаге, пачку знаменитого желтого «Жукова кнастера» едва ли кто из куривших его в прежние времена может забыть. Аромат его, кажется мне, и теперь я узнал бы из множества в природе существующих запахов так же, как и впоследствии Mariland (правильно: Maryland.) doux и соломенных пахитос. Как мне ни было тоскливо и отвратительно на душе, но, набив трубку милейшим табаком и потянув его, я почувствовал как бы разлившееся по жилам моим приятнейшее ощущение».

Потом, правда, «оно сделалось обыкновенным», но так и всегда бывает с курением - сначала хорошо, а потом плохо.

Говоря об успехах Жукова, «Северная пчела» писала: «Он развил эту отрасль промышленности, распространил, усовершенствовал и довел до того, что делаемый в России табак стали выписывать как лакомство за границу». И разумеется, в заслугу «русскому самородку» следует отнести то, что он практически вытеснил с отечественного табачного рынка «вакштаф», «канастер» и в особенности «дрейкениг» («три короля»). Этот последний табак назывался так в память «Священного союза трех монархов» - российского, австрийского и прусского, заключивших 26 сентября 1815 года союз в Париже. Иностранные табаки, уносившие за пределы Российской империи ежегодно миллионы рублей, доставлялись в Петербург из Гамбурга в период навигационного сезона, что обходилось чрезвычайно дешево и без конкуренции.

Во второй половине XIX века дела у Жукова пошли на убыль (уже в начале 1860-х годов «вакштаф» его фирмы трудно было приобрести в Петербурге, не говоря уже о провинции), ибо петербургские курильщики переориентировались на [папиросы](#). Жукову не удалось наладить их производство, хотя такие попытки им и предпринимались. В справочнике по Петербургу, вышедшем в свет в 1874 году, его фабрика упоминается как «одна из старейших... Лет 30 назад пользовалась огромной известностью; ныне производит на сумму не свыше 140 тыс. руб.».

В 1870-е годы, не выдержав папиросной конкуренции, предприятие Жукова прекратило существование. Фамилию удачливого фабриканта, однако, будут вспоминать еще долго, ибо она увековечена его современниками, в частности, литераторами. Так В. В. Крестовский, автор «Петербургских трущоб», писал: «Пар от пуншевого стакана и дым “жукова”, выпускаемый из длинного черешневого чубука, наполняли комнату особенным благоуханием».

Современник фабриканта, между тем, справедливо отмечает: «Успех Жукова возбудил ревность в других, и мало-помалу развелось у нас столько табачных фабрик, что теперь их по несколько на каждой улице».

Все так, однако табак Жукова еще долго спрашивали не только в Петербурге, но и далеко за его пределами.

С начала 1850-х годов Жуков жил в доме 2 по Лештукову переулку (ныне переулок Джамбула), в квартире 19 -тогда дом числился под номером 71 по набережной Фонтанки, а ныне по набережной Фонтанки, 80. На этом переулке Жуков владел в разные годы как минимум тремя домами. Право, стоило бы отметить последнее пристанище Василия Григорьевича мемориальной доской в память об

Табак и сигареты

Жуков табак.

этом поистине уникальном человеке, без которого история Петербурга неполна (а история Лештукова переулка - тем более!). Переулку Джамбула, носившему с конца XVIII века фамилию лейб-медика Ж.-А. Лестока, до неузнаваемости искаженную петербуржцами, давно бы пора вернуть его исконное имя. Как и нынешней улице Жукова (не путать с проспектом Жукова, названным в честь маршала Г. К. Жукова). Улица Жукова впопыхах была наименована 4 августа 1923 года в честь безликого и давно и заслуженно забытого коммунистического функционера. Не следует ли и ей вернуть ее родное название - Варваринская улица?